

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 4, pp. 570–579, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-570-579
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 902.6

Древнейшая история Предкавказья в свете концепции индоевропейских миграций (часть 2)*

Николаева Надежда Алексеевна¹

¹ Московский государственный областной университет — МГОУ (д. 10А, ул. Радио, Москва 105005, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

ORCID: 0000-0003-3961-9284. E-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Аннотация. *Цель статьи* — реконструкция древнейшей истории Предкавказья. *Материалы.* В части 1 дана полная информация об уникальном памятнике на территории Предкавказья (Джангар/Улан Толга, курган 1, Калмыкия, Октябрьский район, пос. Джангар). *Методы.* Использованы как традиционно археологические методы, применяемые при раскопках (стратиграфический, сравнительно-типологический), так и сравнительно-исторический и метод лингво-культурной атрибуции в части интерпретации памятника (часть 2). *Обсуждение и результаты.* Показано, что погребения в кургане отражают в хронологической последовательности события миграционного характера в истории Предкавказья эпохи энеолита и бронзового века, связанные с древней историей Центральной и Восточной Европы (часть 1). *Выводы.* Первая, тохарская, миграция отмечена погребениями с зооморфными скипетрами. Вторая миграция, индоиранская, разделяется в Предкавказье на индоариев в западной части (новотитаровский вариант кубано-днепровской культуры с повозками) и праиранцев (древнеямная культура). Третья миграция древнеевропейцев завершилась и выразилась в существовании в Предкавказье памятников катакомбной культуры вплоть до прихода племен срубной культуры с востока, которая ознаменовала иранскую реконкисту Степи в XIV–XIII вв. до н. э.

Ключевые слова: энеолит, бронзовый век, Предкавказье, индоевропейские миграции, зооморфные конеголовые каменные скипетры, новоданиловская/скелянская культура, ямная культура, катакомбная культура

Благодарности. Автор выражает благодарность д-ру ист. наук Марии Александровне Очир-Горяевой за ценные замечания по статье, д-ру ист. наук Александру Григорьевичу Козинцеву — за плодотворное обсуждение индоевропейской проблемы и д-ру ист. наук Надежде Сергеевне Котовой — за экспертное заключение по керамике, найденной в Джангаре.

* Предлагаемый текст является продолжением статьи, опубликованной в предыдущем номере журнала [Николаева 2019: 355–366], по материалам раскопок в 1985 г. кургана Джангар/Улан-Толга с погребением 1/3 с зооморфным конеголовым скипетром, единственным из пяти погребальных памятников со скипетрами такого рода (Касимчи в Добрудже, Суворово в низовьях Дуная, Архара в Калмыкии, Шляховской в Нижнем Поволжье), для которого имеются исчерпывающие данные по краниометрии, стратиграфии и ранее неизвестные предметы культа плодородия (каменные идолы), расширившие зону поиска исходного центра миграции, а значит, и хронологии зооморфных каменных скипетров.

Для цитирования: Николаева Н. А. Древнейшая история Предкавказья в свете концепции индоевропейских миграций. *Oriental Studies*. 2019;(4): 570–579. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-570-579.

UDC 902.6

The Earliest History of Ciscaucasia: a Perspective from the Concept of Indo-European Migrations. Part 2

Nadezhda A. Nikolaeva¹

¹ Moscow Region State University (10A, Radio St., Moscow 105005, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

ORCID: 0000-0003-3961-9284. E-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Abstract. Objectives. The study aims to reconstruct a fragment of the ancient history of Ciscaucasia. **Materials.** Part 1 provides a complete information on the unique burial complex in Ciscaucasia — Dzhangar/Ulan-Tolga mound 1, Kalmykia. **Methods.** Archaeological methods, such as stratigraphic and typological ones, are used to reconstruct the linguistic and cultural situation in the region. **Discussions and results.** The paper shows that burials within the mound indicate a chronological sequence of migrations from Central and Eastern Europe during the Eneolithic and the Bronze Age. **Conclusions.** The first migration, supposedly a Tocharian one, is evidenced by burials with zoomorphic scepters. The two subsequent migrations, Indo-Iranian ones, can be associated with Indo-Aryans of Western Ciscaucasia (Novotitarovka version of the Kuban-Dnieper culture with carriages) and Proto-Iranians of Eastern Ciscaucasia (Pit-Grave culture). The third Indo-European migration is mirrored by the Catacomb culture which lasted until the arrival of the Timber-Grave population from the east, apparently evidencing the Iranian Reconquista of the steppe in the 14th – 13th centuries BC.

Keywords: Eneolithic, Bronze Age, Ciscaucasia, Indo-European migrations, zoomorphic horse-headed stone scepters, Novodanilovka / Skelya culture, Pit-Grave culture, Timber-Grave culture

Acknowledgements: The author expresses deep gratitude to Dr. Maria A. Ochir-Goyaeva for her most valuable comments on the article manuscript; to Dr Alexander G. Kozintsev for a fruitful discussion on the Indo-European problem, and Dr. Nadezhda Sergeevna Kotova for an expert opinion on ceramics found in Dzhangar.

For citation: Nikolaeva N. A. The Earliest History of Ciscaucasia: a Perspective from the Concept of Indo-European Migrations. Part 2. *Oriental Studies*. 2019;(4): 570–579. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-570-579.

Введение. Территория Калмыкии представляет собой уникальный археологический заповедник курганных памятников всех эпох. Особенно это касается погребальных памятников энеолита — бронзового века III–II тыс. до н. э., которые являются предметом нашего исследования. В то же время благодаря масштабным спасательным археологическим раскопкам в зонах строительства

крупных объектов народно-хозяйственного значения советского периода, территория Калмыкии хорошо исследована в археологическом отношении, что сделало возможным создание свода памятников на территории Республики Калмыкия, изученных в период 1929–1997 гг. [Очир-Горяева 2008], именно этот свод открыл дорогу для появления новых работ обобщающего характера.

Цель исследования — рассмотрение проблематики, связанной с миграцией культуры носителей зооморфных (конеголовых) скипетров, в свете концепции нескольких индоевропейских прародин [Сафронов 1989].

Историография вопроса, охватывающая почти столетний период, весьма значительна и изложена в ряде работ [Дергачев 2007; Николаева 2011а], из чего следует, что зооморфные каменные скипетры являются ключевым объектом ряда важных нерешенных историко-археологических задач: 1) место, время, причины появления экстенсивного скотоводства в Центральной Европе; 2) портрет материальной культуры и язык первых пастухов по данным археологии; 3) хронология, траектория и направления передвижения пастухов; 5) контакты пастушеского и оседло-земледельческого населения Европы; 6) индоевропейская история Предкавказья.

Обсуждение. С первыми находками скипетров возник вопрос о семантике этих предметов. Предлагались самые фантастические решения от гиппопотама до топора. находка в погребении у с. Суворово каменного скипетра, изображающего, несомненно, голову лошади, завершила дискуссию и открыла обсуждение вопроса о месте приручения лошади (степи Центральной или Восточной Европы), о появлении всадничества, «являвшегося предпосылкой для мобильных форм пастушества и конной охраны стад и табунов» [Даниленко 1974: 86]. Однако эта дискуссия пока не закончена. Хронология скипетров устанавливалась в широких рамках по находкам их в ареале цивилизаций Юго-Восточной Европы [Дергачев 2007; Манзура 2000].

В середине XX в. «владеющие скипетрами» (удачное выражение принадлежит И. В. Манзуре [Манзура 2000]) нашли свое место в индоевропейской концепции как вожди первых мобильных скотоводов-праиндоевропейцев, носителей древнеямной культуры степей Евразии [Гимбутас 2006: 398–399; Даниленко 1974: 87–106], хотя более узкая лингвистическая атрибуция носителей скипетров остается неопределенной. Однако разработка индоевропейской (далее ИЕ) проблемы как междисциплинарного исследования с участием археологии не стояла на месте. Менялось мнение о значении

скипетров в системе этнокультурных взаимодействий в энеолитической Европе.

В «курганной концепции» индоевропейской прародины М. Гимбутас скипетры рассматривались в составе первой волны миграции степного населения в область древней цивилизации Европы [Гимбутас 2006: 398]. После суворовской находки скипетра к индоевропейской теме обратился В. Н. Даниленко [Даниленко 1974: 107], поскольку в портрет праиндоевропейской культуры, по данным лингвистики, входит одомашненная лошадь. По М. Гимбутас и В. Н. Даниленко, лингвистическая атрибуция владеющих скипетрами была праиндоевропейская. Затем эта идея была подкорректирована ее последователями [Mallory 1989; Anthony 2007; Телегин 2000]. В качестве предтечи индоевропейской общности они рассматривали памятники мариупольско-сѣзжинской общности, эволюционирующей в среднестоговско-хвалынскую. К первой волне ИЕ миграций они тоже относили вторжение степняков-скотоводов с зооморфными скипетрами в Подунавье.

Поскольку скипетры рассматривались сначала в составе ямной и «курганной» культуры [Гимбутас 2006: 398–399], а потом в качестве новоданиловской [Телегин 2000] или суворовской [Манзура 2000; Дергачев 2007] группы в среднестоговской культуре, автохтонной для Восточной Европы и исходной для ямной культуры, то направление миграции владельцев скипетров с востока на запад диктовалось азово-каспийским ареалом, выбранным в качестве области происхождения среднестоговской и ямной культур, и как ареал индоевропейской прародины. Сыграло свою роль в выборе вектора движения убеждение, что скипетры развивались от простого к сложному, от схематических — к реалистическим, что далеко не бесспорно [Дергачев 2007; Телегин 2000: 22], тем более оба типа встречены в обоих анклавах.

Противоположное направление движения носителей скипетров — с запада на восток — рассматривалось, исходя из концепции индоевропейских миграций с запада на восток, из районов Центрально-Восточной Европы в степи Восточной Европы [Сафронов 1989; Николаева 2010а; Николаева 2011а]. В. А. Сафроновым впервые был выделен общий хронологический гори-

зонт: домайкопский в предгорьях западной и центральной части Северного Кавказа и доямный — в степях Восточной Европы. Главным признаком, объединяющим эти горизонты, стали зооморфные скипетры. Поскольку обряд погребений со скипетрами «на спине скорченно» совпадает с классическим древнеямным обрядом, то скипетры были отнесены ко времени *Триполья В1-В2* по трипольским импортам, найденным в древнейших погребениях с «ямным обрядом» в Северном Попрутье (Думяны 15/1), хотя сам обряд погребения еще не достаточный показатель отнесения погребально-го памятника к ямной культуре [Сафронов 1989: 203, рис. 52].

Следует рассмотреть *факты, предопределяющие направление миграции и хронологию*. Зооморфные каменные скипетры фиксируются в двух удаленных более чем на 1 000 км анклавах [Телегин 2000: 21, рис. 1], на поселениях аграрных цивилизаций Юго-Восточной Европы и в погребениях степных культур, автохтонов Восточной Европы. Вся выборка состоит из 40 экземпляров: из них реалистических — 8 экз., схематических с изображением деталей узды — 7 экз. и без нее — 3 экз. Типологически они неоднородны [Телегин 2000: 21, рис. 3]. Стандарт прослеживается только в трех вариантах, и все три типа (реалистические и схематические в двух вариантах), встреченные в обоих анклавах — в Нижнем Подунавье и в Предкавказье, например, *Могошешти* и *Джангар*, *Обыриени* и на р. Фарс (рис. 1), представляют собой точные копии друг друга. Это обстоятельство следует объяснять быстрым и возвратно-поступательным движением «владеющих скипетрами». Какой центр из двух является исходным в миграции, по этим данным установить невозможно, и все типы скипетров следует считать практически синхронными и не растягивать время их бытования в культурном пространстве на тысячелетие, как это принято сейчас в научной литературе [Телегин 2000: 23], особенно при манипуляции калиброванными данными, которые теоретически и практически не обоснованы, поскольку ничего не изменили в относительной хронологии культур Европы, но утратили связь с исторической шкалой хронологии Древнего Ближнего Востока.

Для определения древнейшего типа классификация скипетров мало что дает из-за малочисленности выборки в каждом варианте. Таким образом, на основе только сравнительно-типологического метода хронологию и направление движения конных пастухов, «владеющих скипетрами», установить не удастся.

Если нельзя установить сравнительно-типологическим методом древнейший центр изготовления и, соответственно, направление миграции по степям (с востока на запад или наоборот), то на первый план выходят поиски косвенных доказательств: наличие экономической основы передвижения на большие расстояния (способы жизнеобеспечения и транспорт), поскольку эти процессы имеют свою локализацию, предопределенную всем предшествующим развитием.

Рассмотрение только понто-каспийских степей в качестве единственно возможного центра одомашнивания лошади всегда было спорным. Для определения центра доместикации важно учитывать не только существование дикой лошади и степного пространства, но и всё предшествующее культурно-экономическое развитие, создающее потребности людей в необходимости такого транспортного средства. С этой точки зрения в качестве подобного центра подходили бы в большей степени те регионы, куда раньше пришла производящая экономика. И этим регионом является Центральная Европа. *Переход к пастушесству с большей вероятностью совершился там, где занимались скотоводством и где были причины сделать одно из направлений комплексной экономики доминирующим в связи с климатическим коллапсом*. Эти вопросы также решаются в рамках индоевропейской проблемы.

За последние 25–30 лет произошли изменения в вопросе культурной атрибуции скипетров. С точки зрения методики в случае находки скипетра важно установить, выступает он чужеродным элементом по отношению к археологическому комплексу, где он был найден, или является органически неотъемлемой частью этого культурного контекста. Однако этот методический принцип не выполняется в отношении обоих анклавов со скипетрами.

Первоначально зооморфные скипетры приписывались к ямной культуре, но в настоящее время все археологические культуры степного энеолита, которые ранее определялись как этапы (варианты) ямной культуры [Даниленко 1974], рассматриваются как отдельные самостоятельные культуры¹. Встает вопрос, к какой культуре относятся сейчас зооморфные скипетры.

В среднестоговской культуре скипетров не найдено, но нестандартные («абстрактные») варианты скипетров найдены в хвалынской культуре, ареально и синхронно связанной со среднестоговской. Совершенно очевидно, что скипетры в хвалынском контексте — это, возможно, заимствование, притом малочисленное. Согласно Д. Я. Телегину, скипетры рассматривались в рамках обособленной им новоданиловской группы в среднестоговской энеолитической культуре. Со временем группа изменила свой таксономический статус и стала новоданиловской культурой [Телегин 2000: 23] (подробнее о приоритетах и трансформациях см.: [Котова 2006: 11–14]), хотя и новоданиловская культура, по нашему мнению, — тоже неполный эквивалент культуре «владеющих скипетрами». Объективной трудностью в культурной атрибуции является то, что скипетры пока не обнаруживаются в комплексе с керамикой, а керамика, обнаруживаемая в новоданиловских памятниках, относится к нескольким разным культурам, поэтому важно обосновать степень родства или отсутствия такового у скипетров относительно культурного пространства, где их находят посредством выделения инновационного ядра.

Инновации, проявившиеся в степных памятниках и в комплексах земледельческих культур Юго-Восточной Европы в период *Триполье В2/С*, тождественны. Это стандартный кремневый инвентарь, булавы, низки бус из раковин, балкано-карпатский импорт медных изделий, *неместная* для обоих анклавов керамика с примесью ракушки в тесте, т. н. «Кукутень С», отсутствие орнамента, «обряд погребения на спине скорченно», плоские могильники,

¹ Однако неопределенность в культурной атрибуции этих артефактов сохраняется: часть исследователей считает, что владеющие скипетрами — носители ямной культуры [Кореневский 2012].

использование камня в кромлехах, гробницах) [Манзура 2000; Котова 2006: 13; Дергачев 2007]. Этот комплекс рассматривался сначала инновационным по отношению к автохтонной среднестоговской культуре из-за малого числа общих признаков. Но необоснованное расширение состава и ареала новоданиловского комплекса на всем пространстве от Прута до Волги и Кавказа, подвергнутое сомнению специалистом по энеолиту Украины Н. С. Котовой [Манзура 2000; Котова 2006: 11–13], заставило искать решение в создании новых культурных сочетаний. Появился термин «скелянская культура», в которую включаются и скипетры, и расширенная новоданиловская группа, и средние слои поселения Стрильча Скеля [Котова 2006: 14]. Объединение погребения со скипетрами с синхронными им слоями поселений среднестоговской культуры в один культурный блок (Ю. Я. Рассамкин, В. Я. Кияшко) [Манзура 2000: 239; Котова 2006: 14] неприемлемо, поскольку общий инвентарь может быть свидетельством ареальных контактов [Телегин 2000: 23; Котова 2006: 9–17].

Что касается западного анклава скипетров, которые обнаружены в виде случайных находок рядом или где-то на поверхности слоя земледельческих поселений культур Гумельница, Кукутень-Триполье, то сложно считать их надежно датированными. На наш взгляд, скипетры, которые находят в слое поселения, не могут быть датированы временем накопления всего слоя поселения. Отсутствие решения вопроса зависит от разных подходов к интерпретации одних и тех же фактов. Логичнее предположить, что скипетры как инородное включение свидетельствуют о внешних событиях, прекращающих жизнь на поселениях, а значит, и датируются концом жизни поселений, не ранее конца *Триполье В1* [Николаева 2011б: 177–182]. Датировать скипетры временем всего периода *Триполье В1* методически неверно, тем более поселения горизонта *Гумельница–Караново VI* с находками скипетров сразу сменяются «степным горизонтом Болераз–Сэлкуца IV–Чернавода I» с выше-названным инновационным комплексом, свидетельствующим о разрушениях аграрных обществ, вызванных вторжением *извне*. Однако это противоречит выдвинутой

несколькими исследователями модели внутреннего драматического конфликта между цивилизациями Юго-Восточной Европы, сопровождаемого хиатусом лет на 500 (?), и «владеющие скипетрами» являются частью этих событий².

Направление миграции должно решаться на основании хронологии памятников: от более ранних к более поздним. Поскольку никаких надежных дат до новых находок не предвидится, то следует ориентироваться на аксиому, что неолитизация (появление керамики) Восточной Европы запаздывает относительно Центральной Европы приблизительно на 2 тысячи лет. Культуры Юго-Восточной Европы (Старчево-Кереш; Винча и культуры винчанского круга) — общества с производящей экономикой, которые появились, во-первых, хронологически раньше, чем пастушеские, в Центральной Европе, а во-вторых, раньше, чем керамика культур Восточной Европы. Это относится и к хвалынской культуре, где найдены, по мнению Д. Я. Телегина [Телегин 2000: 22,

² Причины, которые могли вызвать движение «владеющих скипетрами», анализирует И. В. Манзура в своей статье. Он показал, что «драматические явления», возникшие в обществе земледельцев Юго-Восточной Европы, имели место в период *Триполье В1-В2*, что выразилось в появлении инноваций, в которые, кроме скипетров, включаются кремневые ножевидные пластины, кремневые трапециевидные топоры, стрелы или наконечники копий, керамика с примесью ракушки, обозначаемая как «Кукутени С» [Манзура 2000: 252]. Хотя самые ранние проявления керамики типа «Кукутень С» однозначно связывались всеми исследователями с культурой «владеющих скипетрами», И. В. Манзура показывает, что *эта керамика появляется в Юго-Восточной Европе раньше, чем в Степи* [Манзура 2000: 262–263]. Разбирая каждую категорию артефактов культуры со скипетрами, исследователь определяет движение «владеющих скипетрами» *с запада на восток*; приходит к выводу, что движение инициировалось со стороны культуры Кукутени, которая вытеснила Гумельницу. В декларируемой связи поселений Юго-Восточной Европы и зооморфных скипетров также не оговорена методика датировки скипетров, попавших в слой поселения, поэтому находки скипетров исследователи датируют временем всего периода существования поселения, а это может составлять сотни лет [Дергачев 2007; Телегин 2000: 23].

37], самые древние скипетры, поскольку они самые примитивные. Напротив, исходя из приведенных выше фактов, эти абстрактные скипетры в хвалынской культуре должны датироваться позже, чем их центрально-европейские аналоги.

Результаты. Объяснение механизма этих процессов лежит в области концепции индоевропейских прародин и последующих миграций. Зооморфные конеголовые скипетры являются отражением тех исторических процессов, которые привели к исчезновению ряда высокоразвитых земледельческо-скотоводческих культур Юго-Восточной Европы. Причинами стали изменение климата (аридизация) и невозможность для индоевропейцев заниматься земледелием в северных широтах, что вызвало отток аграрного населения сначала с севера на юг, а потом с запада на восток в виде первых пастухов.

Не останавливаясь на критике аргументов «степной концепции» индоевропейской прародины, рассмотрим, как объясняется разрушительный фактор культуры «владеющих скипетрами» в рамках концепции 4-х прародин праиндоевропейцев [Сафронов 1989; Николаева 2010а: 69–71]. В этой концепции увязаны разные стадии эволюции праиндоевропейского языка с археологическими культурами на основании соотнесения портрета культуры, по данным языка, и археологии. С распадом последней поздней праиндоевропейской языковой общности (уход культуры воронковидных кубков из области культуры Лендель на север до Южной Скандинавии) начинаются миграции, в том числе и восточные миграции индоевропейцев, которые составляют содержание эпохи энеолита и бронзового века в степях Восточной Европы, в Предкавказье и на Северном Кавказе.

Индоевропейская праистория начинается с момента выделения праиндоевропейского (далее — ПИЕ) из бореального языка (индо-урало-алтайского, по Н. Д. Андрееву) (подробнее см.: [Николаева 2010а; Николаева 2011б]).

Предки праиндоевропейцев в финальном палеолите севера Центральной Европы были «охотниками на северного оленя» и, спасаясь от последнего похолодания плейстоцена, ушли в Малую Азию, где стали *первыми скотоводами*, приручив козу, а в

результате контактов с афразийцами/прасемитами приобрели навыки земледелия, дополнив свой хозяйственно-культурный тип. Преимущество производящей экономики позволило праиндоевропейцам выйти на новую ступень развития — уровень протоцивилизации. Они построили свой протогород в Малой Азии, Чатал Гюк, который стал раннепраиндоевропейским центром и центром ностратического союза афразийцев/прасемитов, евразийцев/праиндоевропейцев, пракартевлов, эламитов и дравидов. С VI тыс. начинается глобальная засуха, что привело к уходу части населения Малой Азии в увлажненную Европу на Балканы и Среднее Подунавье. Они принесли в Европу первый опыт экстенсивной производящей экономики и керамику. Местные охотники и собиратели становились земледельцами и скотоводами. Археологически эта стадия неолитизации Европы отвечает сосуществованию в Европе малоазийской культуры Старчево и автохтонной культуры линейно-ленточной керамики.

Палеогенетики подтверждают факт появления производящей экономики Европы посредством миграции населения из Анатолии присутствием в геноме населения Европы компонента анатолийских фермеров (AF). Однако по языку первые земледельцы-скотоводы, носители культуры Старчево, были «северокавказцами» [Сафронов 1989: 296–272] и, будучи теснимыми в IV тыс. до н. э. праиндоевропейской культурой Винча, ушли в Восточную Европу, где возникают первые керамические неолитические культуры такие, буго-днепровская, днепро-донецкая, а на следующем этапе сценестоховско-хвалынская³.

Вторая волна анатолийских фермеров принесла в Центральную Европу интенсивное земледелие, крупный рогатый скот и обработку металлов (медь), за чем последовали новая организация общества, возникновение городов, письменности. Этому процессу соответствует появление культуры Винча и культур винчанского круга — Боян, Дудешти, Кукутени-Триполье, Гумельни-

ца, Тиса. Достижения этой цивилизации были восприняты автохтонами Европы, что привело к дальнейшему освоению Европы. В атлантический период голоцена земледелием занимались даже в Южной Скандинавии. Центральная Европа заговорила на праиндоевропейском языке как языке общения. Распространение на больших площадях привело к ослаблению связей между праиндоевропейцами, что привело к распаду последней праиндоевропейской культурно-лингвистической общности.

В IV тыс. в Центральной Европе обозначилось разделение праиндоевропейской общности на две части: *северная группа «древнеевропейцы»*, представленная культурой воронковидных кубков (КВК), сменяемой в III тыс. до н. э. своими производными — культурой шнуровых керамик (КШК) и культурой шаровидных амфор (далее — КША), и *южная группа («фракийцы» и хетто-лувийцы)*, представленная земледельческими культурами Юго-Восточной Европы⁴. Аридизация климата на рубеже IV–III тыс. до н. э. привела к культурной и языковой диверсификации двух групп индоевропейцев. Процессы распада сменяются процессами объединения. Часть древнеевропейцев (КВК), которые первыми испытали сложности с ведением земледелия на севере, возвращается в Среднее Подунавье. Их сосуществование с потомками дунайских праиндоевропейцев (археологический эквивалент — культура Лендьел IV и полгарские культуры Тисо-Дунайского междуречья) нашло отражение в оформлении греко-фригийско/(армяно)-арийской лингвистической общности, в археологическом отношении — образовании культурно-исторического горизонта Болераз/Баден, в котором формируется и древнеямная культура (ДЯК I) [Сафронов 1989; Николаева 2010а; Николаева 2011б].

Уход ариев со своей дунайской прародины отразился в появлении в степях Восточной Европы и в Предкавказье древнеямной культуры. Распад арийской общности проходил по данным лингвистики в три этапа: 1) уход ариев, 2) распад оставшихся индоиранцев (ДЯК I с плоскодонной керамикой) между Бугом и Днепром на индоариев

³ Дальнейшая миграция северокавказцев направлена в Закавказье [Сафронов 1989: 256–273, рис. 80]. В Калмыкии этой миграции северокавказцев соответствует неолитическое поселение *Джангар*, раскопанное П. М. Кольцовым [Кольцов 2004].

⁴ Под протохеттами мы подразумеваем население среднего Триполья.

и праиранцев, 3) параллельное существование индоариев от Дуная до Кубани в виде кубано-днепровской культуры с повозками и плоскодонной керамикой и праиранцев (ДЯК II – позднеревнеямная культура с круглодонными сосудами). Долгое пребывание праиранцев в Восточной Европе фиксируется контактами с финно-уграми, по данным лингвистики. Археологически это выражается в переходе праиранцев к круглодонным сосудам, хотя у индоиранцев и индоариев керамика плоскодонная.

Однако арии были не первыми пастухами в Восточной Европе. Переход к пастушеству произошел в Среднем Подунавье одновременно с domestикацией лошади. Конкретный центр появления древнейших пастухов в Западной Европе, их конкретная археологическая культура пока не установлены, но, по данным языка, известно, что первыми пастухами стали тохары, которые раньше других отделились от древнеевропейского и находились ближе других к протохеттам. Тохарский язык ближе других индоевропейских языков стоит к хеттскому, который является языковым эквивалентом культуры *Кукутень А – Триполья В*. Черты сходства тохарского с хеттским могли возникнуть тогда, когда тохары, «владеющие скипетрами», достаточно долго находились на территории земледельческих культур Юго-Восточной Европы. Второй маркер миграции тохар на восток фиксируется уральско-тохарскими заимствованиями, которые могли возникнуть только во время пребывания тохар в степях от Днепра до Волги, где они граничили с нео-энеолитическим населением лесостепных регионов (среднестоговско-хвалынская культурная область), говорившим на уральском языке.

«Владеющие скипетрами» соответствуют условно названным лингвистами «тохарам», поскольку, будучи вытесненными в ходе последующей миграции древнеяниками-индоиранцами в XXV в. до н. э. за Волгу, они дошли до Енисея и Монгольского Алтая или Восточного Туркестана, где в 1920-х гг. были найдены таблички с текстами на неизвестном индоевропейском языке, который был назван тохарским. Единственная археологическая культура на Среднем Енисее и Алтае, соответствующая, с одной стороны, индоевропейской и тохарской по

территориальной близости к памятникам тохарского языка в Восточном Туркестане, и, с другой — по «обряду скорченно на спине», по форме могильного сооружения, по присутствию металла, по острононным сосудам, по заполнению орнаментом всего сосуда, по каменным «утюжкам», встреченным в среднестоговском поселении Константиновка на Нижнем Дону, по чашам на ножках, может быть пока только афанасьевская культура, что позволяет считать ее лингвистическую атрибуцию как тохарскую. Ее восточноевропейское происхождение подтверждается антропологическими данными [Николаева 2019: 365] и данными археологической типологии керамики, соответствующей среднестоговской/дереивской керамике между Днепром и Волгой, аналогичной керамике погребений № 7 и 8 кургана 1 в *Джангаре*.

Третья миграция с севера Центральной Европы связана с древнеевропейцами (предками неразделенных кельто-италиков, иллирийцев, германцев, балто-славян; археологический эквивалент — культура шаровидных амфор и шнуровых керамик), она завершилась и отразилась в появлении в Предкавказье в виде памятников катакомбной культуры, просуществовавшей вплоть до прихода племен срубной культуры с востока, из-за Волги, что означивало конец миграций из Центральной Европы [Николаева 2010б: 39, 40].

Выводы. Концепция нескольких индоевропейских прародин показывает, что все культуры Центральной Европы до XIII в. до н. э. восходят по цепочке к финальному палеолиту Центральной Европы, а неолит и керамика в Восточной Европе начинается с миграции первой земледельческой культуры Старчево-Кереш из Подунавья в Восточную Европу и появления буго-днепровской в Восточной Европе на рубеже 5–4 тыс. (по некалиброванным датам). Любая культура Центральной Европы при наличии аналогичной культуры в Восточной Европе будет иметь перед ней хронологический приоритет в силу выше показанной преемственности индоевропейских культур, начиная от палеолита, поэтому скипетры Центральной Европы *a priori* древнее скипетров Восточной Европы, и направление движения «владеющих скипетрами» будет иметь вектор с запада на восток.

Литература

- Гимбутас 2006 — *Гимбутас М.* Цивилизация Великой богини: мир Древней Европы. М.: РОССПЭН, 2006. 572 с.
- Даниленко 1974 — *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев: Наукова думка, 1974. 175 с.
- Дергачев 2007 — *Дергачев В. А.* О скипетрах, о лошадях, о войне. СПб.: Нестор-История, 2007. 487 с.
- Кольцов 2004 — *Кольцов П. М.* Поселение Джангар: человек и его культура в неолите Северо-Западного Прикаспия. М.: Новый хронограф, 2004. 155 с.
- Кореневский 2012 — *Кореневский С. Н.* Рождение кургана. М.: Тaus, 2012. 246 с.
- Котова 2006 — *Котова Н. С.* Ранний энеолит Степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: Восточноукр. нац. ун-т им. В. Даля, 2006. 327 с.
- Манзура 2000 — *Манзура И. В.* Владеющие скипетрами // Археология и культурная антропология (Stratum plus). № 2. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2000. С. 273–295.
- Николаева 2010a — *Николаева Н. А.* О концепции четырех прародин индоевропейцев // Индоевропейская история в свете новых исследований. М.: изд-во МГОУ, 2010. С. 58–72.
- Николаева 2010б — *Николаева Н. А.* Аннотация к списку печатных трудов В. А. Сафронова // Индоевропейская история в свете новых исследований. М.: изд-во МГОУ, 2010. С. 36–57.
- Николаева 2011a — *Николаева Н. А.* Юго-Восточная Европа и Кавказ: культурно-исторические связи в середине 3 тыс. до н. э. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2011. № 1. С. 99–109.
- Николаева 2011б — *Николаева Н. А.* Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М.: Изд-во МГОУ, 2011. 536 с.
- Николаева 2019 — *Николаева Н. А.* Древнейшая история Предкавказья в свете концепции индоевропейских прародин // Oriental Studies. № 3. 2019. С. 355–366.
- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники Волго-Манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.
- Сафронов 1989 — *Сафронов В. А.* Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятск. кн. изд-во. 1989. 398 с.
- Телегин 2000 — *Телегин Д. Я.* К вопросу о типологии, хронологии и культурной принадлежности скипетров медного века Юго-Восточной Европы и Восточной Европы // Российская археология. 2000. № 3. С. 18–29.
- Anthony 2007 — *Anthony D. W.* The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze Age Riders From the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton/Oxford: Princeton University Press, 2007. 558 p.
- Mallory 1989 — *Mallory J. P.* In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. London: Thames & Hudson, 1989. 288 p.

References

- Anthony David W. The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze Age Riders From the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton/Oxford: Princeton University Press. 2007. 568 c.
- Danilenko V. N. [The Eneolithic in Ukraine]. Kiev: Naukova Dumka, 1974. 175 p. (In Russ.)
- Dergachev V. A. [About Scepters, Horses and War]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2007. 487 p. (In Russ.)
- Gimbutas M. The Civilization of the Goddess: the World of Old Europe. Moscow: ROSSPEN, 2006. 572 p. (In Russ.)
- Koltsov P. M. [The Settlement of Dzhangar: Man and Culture in the Neolithic Northwestern Caspian]. Moscow: Novyi Khronograf, 2004. 155 p. (In Russ.)
- Korenevsky S. N. [The Birth of the Mound]. Moscow: Taus, 2012. 246 p. (In Russ.)
- Kotova N. S. [The Early Eneolithic in Steppe Zones of Dnieper and Azov Regions]. Lugansk: Dahl East Ukrainian National Univ., 2006. 327 p. (In Russ.)
- Mallory J. P. In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. London: Thames & Hudson, 1989. 288 p. (In Eng.)
- Manzura I. V. 'Those who possess scepters'. *Archaeology and Cultural Anthropology (Stratum Plus)*. No. 2. Kishinev: High Anthropological School, 2000. Pp. 273–295. (In Russ.)
- Nikolaeva N. A. The concept of four Indo-Europeans homelands revisited. In: [Indo-European History: a Perspective from Latest Studies]. Moscow: Moscow Region State Univ., 2010 a. Pp. 58–72. (In Russ.)
- Nikolaeva N. A. An index to the list of V. Safronov's publications. In: [Indo-European History: a Perspective from Latest Studies]. Moscow: Moscow Region State Univ., 2010 б. Pp. 36–57. (In Russ.)
- Nikolaeva N. A. Southeast Europe and the Caucasus: cultural and historical ties in the mid-3rd millennium BC. *Bulletin of the Moscow Region State University*. Ser. 'History and

- Political Sciences'. 2011a. No. 1. Pp. 99–109. (In Russ.)
- Nikolaeva N. A. [Ethno-Cultural Processes in the North Caucasus in the 3rd – 2nd Millennium BC: a Perspective from the Ancient History of Europe and the Near East]. Moscow: Moscow Region State Univ., 2011b. 536 p. (In Russ.)
- Nikolaeva N. A. The Earliest History of Ciscaucasia: a Perspective from the Concept of Indo-European Migrations. Part 1. *Oriental Studies*. 2019. No. 3. Pp. 355–366. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. [Archaeological Monuments of the Volga-Manych Steppes: Collected Descriptions of Monuments Investigated in the Territory of the Republic of Kalmykia between 1929 and 1997]. Elista: Gerel, 2008. 298 p. (In Russ.)
- Safronov V. A. [Indo-European Homelands]. Gorky: Volga-Vyatka Book Publ., 1989. 398 p. (In Russ.)
- Telegin D. Ya. Bronze Age scepters from Southeastern and Eastern Europe: typology, chronology and cultural affinities revisited. *Russian Archaeology*. 2000. No. 3. Pp. 18–29. (In Russ.)

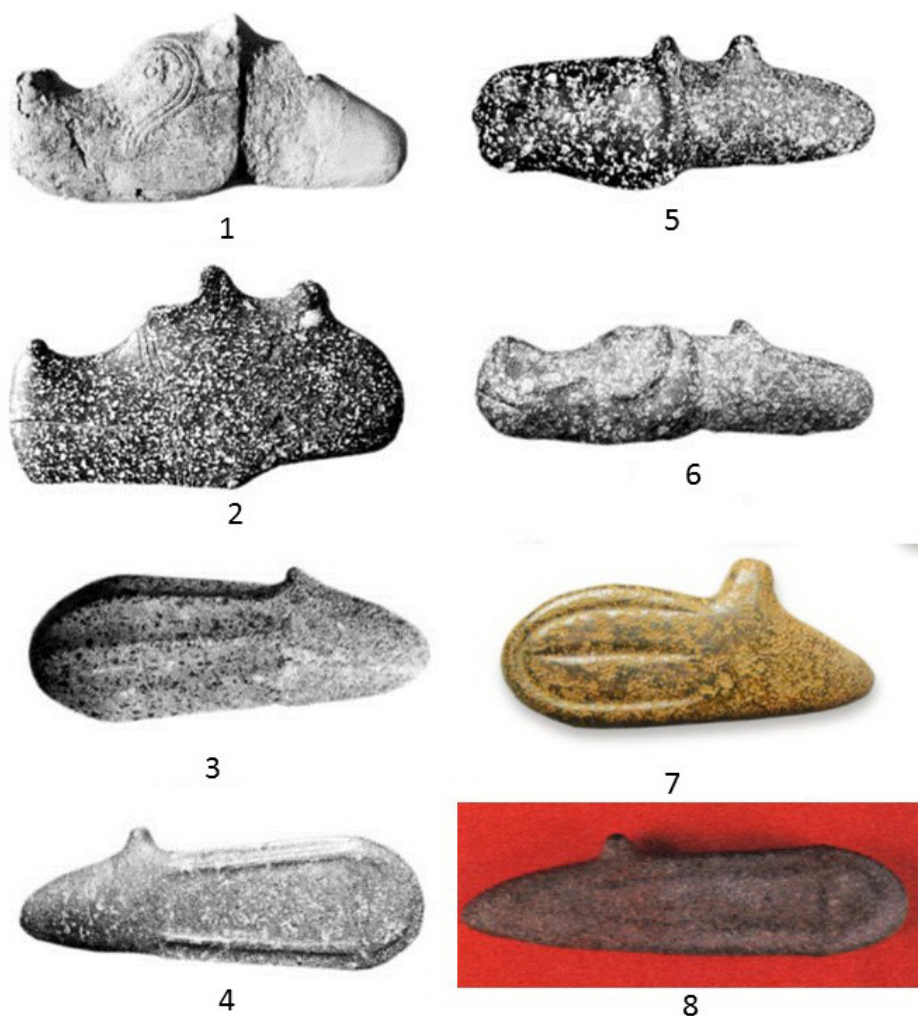

Рис. 1. Зооморфные каменные скипетры (реалистические — 1, 2, 5, 6; схематические — 3, 4, 7, 8) [Fig. 1. Zoomorphic stone scepters (realistic ones — 1, 2, 5, 6; schematic ones — 3, 4, 7, 8)]

Западный анклав: 1 — Касимча (Добруджа), 2 — Сэлкуца IV (Подунавье), 3 — Обиришени (Румыния, Молдова), 4 — Могошешти (Румыния, Молдова), 5 — Суворово (Измаил), 6 — Суводол (Сербия) [Western enclave: 1 — Casimcea (Dobruja), 2 — Sălcuța IV (Danube

river basin), 3 — Obârșeni (Romania, Moldova), 4 — Mogoșești (Romania, Moldova), 5 — Suvorovo (Izmail), 6 — Suvodol (Serbia);

Восточный анклав: 7 — р. Фарс (Новосвободная-Махосhevская), 8 — Джангар (север Калмыкии, Россия) [Eastern enclave: 7 — Fars River, Northwest Caucasus (Novosvobodnaya-Makhoshevskaya), 8 — Dzhangar (north of Kalmykia, Russia)]